

Невозможно просветить таким ярким светом глубокого теологического разума столько прославленных приверженцев номинализма. От Оккама они берут то, что действительно являлось корнем всего его творчества, — его радикальную критику платонизма «натуральных теологов», которые путали христианского Бога с Благом, понимаемым в той или иной степени как природа, тогда как на самом деле Он прежде всего есть свободная воля. Все зло происходит отсюда, и достаточно хорошо видно, как гордыня собирает свои плоды. Если Бог — это природа, пусть даже «*Vonum diffusivum sui*»*, о котором они так много говорят, то можно будет поставить по этому поводу ряд проблем — если будешь уверен, что разрешишь их. Для этого нужно лишь вывести свойства этой природы согласно логике разума. Какой Бог понравится этим философам в качестве ощущаемого опытом, как не тот, кто удерживает в своем мышлении все вещи на свете, но, однако, отличен от свободного

Бога Священного Писания?! Ибо если Бог не природа, а свобода, то всякий вопрос о Нем предполагает непредвидимый ответ. Так что нельзя вывести логически, что Он должен сделать; поскольку Он делает то, что хочет, можно только верить в то, что Он делает. Чтобы удостовериться в этом, нужно было, чтобы Бог сказал это Сам. Вера—это акт смирения, а смирение достигается только покаянием: «покайтесь и веруйте в Евангелие». В этом заключена вся христианская мудрость. Эта радикальная оппозиция по отношению к платонизму объясняет согласие Жерсона — и многих других вместе с ним — с определенными характерными тезисами ок-каизма и его относительное противостояние всякому реализму идей, который, вводя в Бога необходимые сущности, как бы ограничивает извне его высшую свободу. «Бог желает определенных действий не потому, что они хороши, — утверждает Жерсон, — но они хороши, потому что Он их желает». Если бы в Боге не было правил добра, предшествующих самой его воле, он был бы чист от всех этих «*formalitates*»**, из которых во многих случаях делают столько «*formalizantes*»*** эти любители новых формул, которым хочется думать, что их интеллект может разглядеть сущности вещей, и хочется, чтобы душа постоянно беседовала сама с собой с помощью их концептов. Если здесь речь не идет лишь о том, чтобы приучить думать не только о чувственно воспринимаемом, — это великолепно. Но насколько опасно принимать тут логику за метафизику! Сущности суть только абстракции, результаты анализа, который должен производиться в уме с целью различения своих объектов: делать из этого вещи, значит преобразовать логику в метафизику, а затем — в теологию. Такова опасность, которую несут с собой творчество Дунса Скота и «*formalizantes*». Вводя в Бога «*formas methaphysicales, vel quidditates, vel rationes ideales*»****, они разрушают простого и свободного Бога веры. Именно из этого центра систематически исходит критика Жерсона

541

7. Жан Жерсон и итоги XIV столети

против целого ряда философов и теологов, имена которых он не лишает себя удовольствия назвать. Эти люди, которых он, впрочем, в 1402 г. считал меньшинством, являются, с его точки зрения, наследниками платонизма, воспринятого ими от Авиценны и Аль-Газали и толкуемого каждым из них по-своему. В их числе — уже упоминавшиеся Дуне Скот, Раймунд Луллий, Джованни де Рипа, Брэдвардин; иногда — более умеренные и менее опасные, такие, как Генрих из Ойты; но чаще — более подозрительные, те, которые реализовали в Боге идеи до такой степени, что сделали из них творения: осужденные в 1210 г. Скот Эриугена и Амальрик Венский, которые фактически породили Уик-лифа, передавшего свое духовное наследие Яну Гусу и Иерониму Пражскому. Впрочем, каково бы ни было его истинное происхождение, весь этот реализм